

* * *

Веслом листаешь волн страницы...
А прочитаешь — и поймёшь
Осоки шёпот, свист синицы
И леса утреннюю дрожь.

И путь полей меж перелесков,
Дороги пыльной непокой,
Герань за чуткой занавеской
И голос церкви за рекой.

И в этом голосе услышишь
И журавлиный переклик,
Молитву бора над кладбищем
И песни пращуров своих.

А путь земной, где ветер свищет,
Где славят юность соловьи,
Доверь просёлку. Он отыщет
Дорогу к людям и к любви.

И озаришься песней луга,
И разглядишь на вишне пот.
Сидит на солнышке старуха,
Слова невнятные жуёт.

И целый век — гремучий, грубый —
Преподнесут, как чудеса,
Её пергаментные губы,
Почти незрячие глаза.

Увидишь ты: за красноталом,
За камышовым ветерком
Заря — лоскутным одеялом,
Туман поречный — рушником.

* * *

Вот будет — ногу в стремя —
И только свист в ушах!
Как нежно дремлет время
В затонных камышах!

И каждое мгновенье
Так хочется прожить,
Чтоб влиться в птичье пенье,
С крапивою дружить.

Играть с туманом в прятки,
Доить росу в лугах
И знать, что всё в порядке,
Коль небо — в пирогах.

Плывут они далече,
Плывут издалека.
Спустился красный вечер
На лодку рыбака.

Но гаснет надо всеми
Зари крылатой свет.
Не торопите время,
У нас другого нет.

* * *

Горло чайника дышит взметённою коброй.
На тяжёлых пиалах кирпичный налёт.
И старуха Агула, сухая, как вобла,

Попроси — и тягучего чаю нальёт.
Тут седые заборы торчат плавниками
И солёное солнце разбито — в песок.
И полынь в серой пудре простора веками
Дышит в степь над сухими губами дорог.
О, разбитое солнце, осевшее в почву!
Отчего это дымом повеяла степь?
— Ты скажи мне, слепая Агула, ты хочешь,
Чтоб и я от горячего ветра ослеп?
Что шаманишь ты, бабка, над чаем полынным?
И сказала Агула: — Напрасна печаль.
На коврах в моём доме за окнами синими
Та живёт, за которую жизни не жаль.
Её губы — пожары, а руки, как волны,
Её волос искристей луча на ручье.
Разве кто устоит перед родинкой вольной —
Осетриной икринкой на левом плече?
...И — поехала степь.
— Ах ты, старая сводня!
Ты сама-то любила когда или нет?
Или, думаешь, я променяю сегодня
Тебя, которая ждёт меня тысячу лет?
Ты, старуха, слепа, — не приду к тебе завтра.
На песках стыннут рёбрища лодок пустых,
Как скелеты невиданных ихтиозавров,
И песок, словно время, летит через них.
— Ты слепа. Никого не ждала, не любила —
Так не ёрзай лисицей вокруг молодых.
Завари-ка покруче, чтоб небо взбурлило
И грозою скатилось вдоль улиц кривых! —

И старуха Агула послушно кивнула
И, надолго уставясь бельмом в небеса,
Тихо-тихо гортанную песнь затянула,
И увязла в морщинах слепая слеза.

В РАЗЛУКЕ

Здравствуй, Таня! Ты теперь далече.
На диване кутаешься в шаль.
А меня уже под самый вечер
Любопытный ёжик навещал.

Он спросил: — А где твоя подруга?
— В городе, — ему ответил я, —
Подарило лето внучку с внуком,
И любовь уехала моя.

А ещё меня совсем недавно
Навещал колючий лёгкий дождь,
Дробно бил копытцами о ставни:
— Чем помочь, Евгений, чем помочь?

— А ничем. Я нынче тоже счастлив,
Что у нас внучата родились.
Радость жизни — это Божьи ясли,
Из которых и струится жизнь.

Над борами жарко дышит лето,
Тяжелют яблоки в садах.
Наша песня, Таня, не допета.
Как ты там, в столичных омутах?

Возишь на прогулку внука с внучкой,
Нежно колыбельную поёшь...
А меня тут навещала тучка
До того ещё, как этот ёж.

Спрашивала: — Где твоя родная?
— В городе, — ей тихо отвечал.
И от края озера до края
Вились волны, всхлипывал причал.

НА ПОКРОВ

Бор певучий, бор колючий,
Снега раннего посол.
Но светло в ночи дремучей
От мерцанья дальних сёл.

Потому тепло салазкам
У двора в сенцо прилечь,
Что звезда расскажет сказку
Про Емелю и про печь.

Ветер голосом утробным
Дышит в трубы — снега свист.
Разворачивает рёбра
У гармошки гармонист.

— Покрова! — поёт хрипато. —
Выйди, милка, обними!
Мы и пряником богаты,
И богатые плетью.

У тебя — в молитве губы.
У меня душа — в разбой.
Постели медвежьей шубу
Полюбиться нам с тобой!

От полей простором веет,
Дышат снедь погребя.
У меня, что крест на шее, —
Деревянная изба.

Пьёт просторы ветер дикий.
Осветила сердце Русь.
Я умылся земляничкой,
А метелью оботрись.

Гармонист о кнопки точит
Пальцы грубые: — А-ха!
И горит гармонь, клоочет —
Задыхаются меха.

* * *

Сначала март всегда обманет.
Под солнце выпорхнет капель,
Но день, другой — и затуманит
Просторы хлёсткая метель.

А ты доверился, открылся,
Как шубу, распахнул себя.
Весна — великая актриса,
То зло посмотрит, то любя.

То в ноги бросится ручьями,
То ледяной покажет клык,
Погладит ласково лучами,
Ветрами бьёт за воротник.

Иду к любимой в ливне света,
Горю весенним куражом!
Темнеет снег, но мил и этот
Сугроб, свернувшийся ежом.

В весеннем хоре все едины.
Грачи бунтуют у леска.
И хрустко вздрагивают льдины,
И друг о друга трут бока.

И неизбежное — свершится!
Коснусь твоих надменных рук.
Попробуй мне не покориться
Теперь, когда весна вокруг!?

* * *

Были бы живы, а славу найдём,
Слава у нас — под ногами:
Прядь васильков и бревенчатый дом
С мамиными пирогами.

Вот моя радость — над банькой дымок,
Сушатся рядом пелёнки.
И неторопкий грудной говорок
Ливенки и перепёлки.

Вот моя радость, а славу найдём,
Если оставим и внукам
Этот берёзовый рай за прудом
С пухом тумана над лугом.

Тычутся в берег песчаный мальки.
Зреет куга за стогами.
Окна родимой избы далеки
С мамиными пирогами.

В заводи лунной плывёт резеда.
Утро подсолнуху снится.
Плачет в окне зарева звезда —
Слёзка по стёклышку длится.

* * *

Я колю дрова — не поддаются.
Жила к жиле — скрученная прядь.
Вот присяду малость раздохнуться,
Годовые кольца посчитать.

Круг — потоньше, а другой — потолще,
А в ином — дожди и холода.
Это значит, у деревьев тоже
Разные сбываются года.

На ветру просушатся поленья,
Наберут последний солнца свет.
Вот и я стал крайним поколеньем:
Ни отца, ни мамы больше нет.

С думами о всех моих утратах
Брошу в печь полено, вздёрну бровь.
Ярко полетит огонь крылатый,
Запоёт про первую любовь.

И, ему невольно подпевая,
Загрущу о юности всерьёз.
Изумрудным захолустным маем
Бьются в небо родники берёз.

И гудят поленья, тянут выи.
Огонёк играет гребешком.
Догорают кольца годовые
Петушиным трепетным пушком.

Гляну в угол. Строгие иконы
Безотрывно смотрят на меня.
И поёт огонь, гудит и стонет,
Как гудит и стонет кровь моя.

ДИЧОК

Мимо ровно сложенных полениц,
Мимо огородов и берёз
Тонкой лодкой проплывает месяц,
Расставляя вешки первых звёзд.

Хорошо, что здесь дорог не слышно.
Притулившись к сонному стожку,
Можно любоваться стройной вишней
И её цветущему снежку.

И живут тут Верка с бабой Щурой.
Молодёжь — давно по городам.
Что тут слушать? Как лягушки-дуры
Раздувают песни по прудам?

У крыльца медами плещут липы.
А вдали за тридевять холмов
По калёной трасе гонят джипы
Горячащий воздух городов.

Я познал неоновые брызги
И дворцов заморских кружева
И теперь готов под небом близким
Понимать, зачем душа жива,

Понимать печалинку пичуги,
Подпевать дождинкам и заре.
Мне-то в радость тишина округи,
Только Верке скучно в тишине.

На пруду толкаются утята,
Две овцы у бабкиных ворот.
Смотрит Верка зло и виновато,
Перстень одуванчиком плетёт.

И под грозный шум густого вяза
На тягучий и удушный смог
Выбегает яблонька на трассу —
Бестолкушка милая, дичок.

РАЯ

Над вихрастою сосною
Солнце облако пушит.
Под вихрастою сосною
Хвоя мёртвая лежит.

А трава — в рассветной ризе
Раскалилась добела.
А похмельная Раиса
По малину побрела.

Полюбовник бросил Раю
Ненадолго, на три дня.
После выпьют за сараем
И прилягут у плетня.

— Забери меня отсюда,
Забери меня туда,
Где за мельничной запрудой
Расцветают города.

Там любому хватит хлеба,
И на улицах — огни.

Над сосною плачет небо.
Под сосною пляшут пни.

Вспоминает бабу Ньюшу,
У которой нос торчком.
— Почему я вся в веснушках?
— Загорала под сачком.

Захмуряется округа,
Зябко Раиной душе.
Как подбитая пичуга,
Ковыряется в меже.

Всё забыла то, что было, —
Как любила и ждала,
Как от пьяного дебила
Сына Стёпку родила.

Как оскалились жестоко
И соседи, и родня.
Вот лежит теперь глубоко
В стылой яме у плетня.

Во хмелю душа коптится.
До сарая доползёт
И замыслит удавиться
Вязкой ночью у ворот.

А над ней берёза плачет:
— Рая, солнышко в сачке,
Видишь — Стёпка слёзы прячет
В горемычном кулачке?

Увези его отсюда,
Увези его туда,
Где за мельничной запрудой
Расцветают города.
Там любому хватит хлеба,
И не надо печке дров.

Разревелось в соснах небо,
Поит дождиком коров.

С комаром паук играет
В перекрестье пыльных рам.
То на рюмку смотрит Рая,
То — украдкой — на храм.

Голосит у прясел кошка.
Птичий щебет — гнёзда вить!
Смотрит Стёпка из окошка —
Не умеет говорить.

ТОК-ШОУ

— Послушайте меня! — взмахнул рукой оратор,
Но перебил другой: — Послушайте меня!
И встrepенулcя зал, и закипел театр.
— Меня! —
молила ночь, склонившись у огня.
— Я всё вам расскажу! —
гудел охрипший ветер.
— Послушайте! —
шипел, посвистывая, снег.
— Меня!
— Меня!
— Меня! —
Кричали все на свете,
И голосили все
под слёзы и под смех.
А что хотелось им?
Сочувствия? Вниманья?
Отдать свою печаль,
и радость, и покой?
И всё слилось в одно смятенное дыханье,
но ни одна душа
не слышала другой.
И ни одна душа
не мучилась другими,
и даже тишина
молчала — о своём.
И ссадина луны
над рощами пустыми
зияла в темноте,
не мысля ни о ком.

ПО РЕКЕ

Мимо правого, левого берега, сёл крутоярных,
Мимо тропок, сбегаящих к серым мосткам у осок,
По кочующим волнам, поющим в осоках туманных,
Я плыву и плыву, как обрonnenный ветром листок.

Эти воды не раз над землёй поднимались парами
От жемчужных озёр, от рубах мужиков на полях,
От солдатских дорог, от горячей слезы моей мамы,
Но очистились небом — и крыши мокры на домах.

И очищены небом под окнами вишни и груши.
И плыву я, плыву, и роятся на сердце стихи.
Кабы так вот дождями и наши очистились души!
Кабы так вот очистились боли и наши грехи!

У тебя под окном муравей на травинке хлопочет.
У меня под окном развесёлая птаха поёт.
Что он хочет от нас, этот мир золотой, что он хочет? —
Я плыву по реке, и река подо мною плывёт.

И случайный листок проплывает то слева, то справа.
По загровку воды заревой растекается мёд.
Кто-то смотрит в прицел, выжидая гордыню и славу,
Кто-то завистью выжжен, а кто-то у брата крадёт.

В неустанной вражде берега затаились и воды.
Что же я, проплывая рекой, не пойму одного:
Ничего этот мир не желает, а только свободы
И ещё — чтобы мы уважали за правду его.

И кукушка у дальнего бора о чём-то пророчит.
Огурцы под студёным туманом поникли плетью.
Ничего-то от нас этот мир и не ждёт, и не хочет,
Разве только — чтоб мы оглянулись и стали людьми.

* * *

Дверь вздохнёт и зевнёт спозаранку,
Побреду по росе в сапогах.
Кто-то вывернул ночь наизнанку
И подвесил зарю на стогах.

К сожаленью, не каждому это
Светит в сердце, как ласка и май.
Вот глядит из окошка соседка,
Видит только полынь и сарай.

Видит кур, негодует, что куры
С каждым днём стали хуже нестись.
Вспоминает, что сумку у Шуры,
У золовки, забыла надясь.

И не видит рассветного рая,
По окошку струящийся мёд.
И, костыльком бок подпирая,
День за днём неторопко прядёт.

НА ЗАРЕ

Красный конь летит по небосводу,
Поджигает гривой облака,
А войдёт в мерцающую воду —
Белым паром выдохнет река.

Жадно бархатистою губою
Поднимает лёгкую волну.
Я люблю рассветным водопоем
Посмотреть на талую луну.

Конь ступает в реку глубже, глубже,
Камышами, омутом плывёт.
На травинке, на крыльце, на луже
Золотой его мерцает пот.

Выскочил и над просёлком взмытым
Поскакал, сминая мрак и тень.
Бьёт по окнам бронзовым копытом:
— Эй, вставайте, люди! Новый день!
Не о том ли Бога вы просили?
Вот Господь и даровал — иди!

Бьют колокола по всей России,
Жарко, словно солнышко в груди.

— Пить-попить! — попросит перепёлка.
Но, по лугу сочному скользя,
Режет травы знающе и тонко
Смертью заострённая коса.

Помню, помню: ходим все под Богом,
Все пришли сюда на краткий срок,
Чтобы в мире, красном и жестоком,
Развязать узлы своих дорог.